

ваются, в ногу со временем. Если во второй половине XIX века многостороннее развитие человека виделось классикам марксизма как простая смена физического и умственного труда (один и тот же работник попеременно выступает то как архитектор, то как тачечник), то сейчас доля физического труда в структуре труда производственного постоянно и неизбежно падает. Кстати, и **Макаренко учил своих детей не примитивной работе, но труду высококвалифицированному на современных для его эпохи станках.**

К сожалению, в постсоветской России утрачена ещё одна функция труда, которая активно практиковалась в СССР, а сейчас практикуется на Западе, включая самые престижные учебные заведения. Речь идёт о труде добровольцев (волонтёров), гото-

вых таким образом внести свой вклад в общественно полезные дела. С детства привыкнув к тому, что тимуровские команды и юные коммунары бывают только при социализме, с удивлением и удовольствием узнал, что, например, в учебном плане Йельского университета в США около трети времени студента отводится на волонтерство, включая бесплатную работу в больницах, домах ветеранов, школах и т.п. **Грустно, что под лозунгом движения в цивилизацию мы утрачиваем её ростки в тех областях, где по праву могли бы претендовать на первородство.**

Труд создал человека как род и необходим для воспроизводства его как личности. Если, конечно, это труд свободный, творческий, идущий рядом с образованием.

Школа без производственного труда — проблема не только педагогическая. Дети во все времена подражают взрослым, берут с них пример. С распадом страны, уничтожением прежних идеалов и социальных ценностей, с развалом предприятий бывшие труженики — инженеры, строители, токари и слесари высокой квалификации — стали «челночками», сторожами, продавцами в бесчисленных «бутиках». Престиж производственного труда упал до самой низкой отметки. Сегодня, как и в недавние времена, уличные объявления заповестили призывами: «Требуются! Требуются!! Требуются!!!» И кто? Не менеджеры, не юристы и экономисты, а квалифицированные рабочие! Но восполнять эту острую потребность экономики некому. По опросам социологов, труд на шкале ценностей у нынешних подростков — на последнем месте. Причины такой ситуации анализирует действительный член Российской академии образования

Александр Новиков: При зарплате до 60 тысяч рублей в месяц рабочие места пустуют...

Всю свою профессиональную жизнь я занимаюсь трудовым обучением и профессиональным образованием и меня всегда интересовал вопрос о странной судьбе трудового обучения и воспитания в российской школе — их то признают приоритетом школьного образования (1918-й, 1958-й и 1984 годы), то отменяют (начало тридцатых годов XX века), то «загоняют» на обочину образовательного процесса — как в настоящее время. Ведь сегодня трудовое обучение, назван-

ное некоей туманной образовательной областью «технология», в большинстве школ считается не самым нужным, а то и лишним учебным курсом, который во многих гимназиях и лицеях отменили вообще («занятие не для белых людей»). А производственный труд школьников, как показывают результаты ежегодного конкурса имени А.С. Макаренко, из десятков тысяч российских школ осуществляют всего несколько десятков, может быть, сотен. И то преимущественно в сельских школах и детских домах. Так в чём же дело? Очевидно, есть причины, подтверждающие такое отношение к про-

изводственному труду школьников. И причины эти имеют определённые общественно-исторические основания.

Причина первая, историческая.

Начиная с эпохи Возрождения, наука, отодвинув на задний план религию, заняла ведущую позицию в мировоззрении человечества. Если в прошлом выносить те или иные мировоззренческие суждения могли только иерархи церкви, то теперь эта роль целиком перешла к сообществу учёных. Высшим авторитетом и критерием истинности стала наука. Примерно тогда же, благодаря книгопечатанию, развивается массовая школа, направленная, в первую очередь, на овладение основами научных знаний. Остальные компоненты разностороннего развития личности учащихся, в том числе трудовое воспитание, в «школе знаний» никогда не отвергались, но оставались как бы в стороне от основного русла. Сейчас ситуация изменилась — в постиндустриальном обществе «школа знаний» является уже анахронизмом. Но традиции по-прежнему сильны!

В 1918 году, в соответствии с уставками классиков марксизма-ленинизма, российская школа была провозглашена «единой, трудовой, политехнической». И до начала 30-х годов XX века она переживала совершенно удивительный этап, в том числе в аспекте трудового воспитания детей. Но страна столкнулась с катастрофической нехваткой квалифицированных специалистов и школу переориентировали. Она опять стала «школой знаний», направленной на подготовку своих учеников к поступлению в вузы. Такой, к сожалению, она остаётся и до сих пор.

Причина вторая связана с менталитетом российского общества. Россия слишком поздно освободилась от рабства — крепостное право было отменено менее 150 лет тому назад. А народ всегда считал тяжёлый подневольный труд «наказанием божьим». И отголоски этих представлений сохраняются до сих пор. Отсюда стремление молодёжи к «чис-

той» работе и соответственно стремление во что бы то ни стало получить высшее образование. Это удивительный, но повсеместно распространённый феномен — человек, освободившись от тяжёлого физического труда, тут же начинает глубоко презирать этот труд и соответственно людей, занятых таким трудом. Както во Вьетнаме я стал свидетелем простоя на строительстве моста через Красную реку. Спрашиваю у советского специалиста: «В чём проблема?» Он отвечает: «Нет щёбня». Я говорю: «Вон же рядом карьер — нарубите и все дела». «Нельзя: правительство приняло постановление о запрещении ручного труда в строительстве». И это в аграрной стране, где подавляющее большинство населения занято тяжелейшим физическим трудом на рисовых полях!

В 30-е годы XX века российская школа подвергалась серьёзной деформации, в том числе было упразднено трудовое воспитание. У власти в то время находилась партийная номенклатура в лице выходцев из беднейших слоёв населения: неимущих выдвигали, кулаков уничтожали или, в лучшем случае, ссылали, середняков притесняли. Вполне понятно, каким менталитетом обладала эта номенклатура и какое отношение у неё было к труду и соответственно к трудовому воспитанию детей. Ведь работники, назначаемые высшей инстанцией, всегда создают школу для своих детей, а не ту, которая нужна стране в целом.

К сожалению, всё это передалось по наследству и нынешней номенклатуре, которая, неуклюже копируя образование США и стран Западной Европы, ориентирует школу на подготовку «белых воротничков». При этом забывает, что основой западноевропейского (и соответственно США) менталитета был труд: «труд для создания богатства во славу Господа». Кроме того, ещё неизвестно, к чему приведёт та дорога, по которой идут США и Западная Европа.

Отрицательное отношение к трудовому воспитанию детей формирует и сам

учительский корпус. Я уже писал об одной особенности нашего учительства: девушка (чаще), юноша (реже) заканчивают школу, поступают в педагогический вуз или колледж (а это та же школа, только несколько иного плана) и возвращаются в школу — теперь уже работать. Ничего, кроме школы — этого искусственного, замкнутого мирка, — они не видели. И любое производство, в том числе школьное, им чуждо и непонятно. Школьные мастерские — это грязь, шум, дурные запахи. А учитель труда в школе — «чёрная кость». Пользу он может принести только в том случае, если починит замок в двери учебного кабинета, каблук или сумочку.

Причина третья. Трудовое обучение — дело дорогое и хлопотное. Действительно, чтобы организовать труд школьников, необходимо оборудование, инструменты, материалы и т.д. Например, **стоимость оборудования школьных мастерских составляет почти половину стоимости всего оснащения новой школы-девятилетки.** А оборудование для трудового обучения старшеклассников ещё дороже. Кроме того, **подготовка к хорошему уроку труда требует гораздо больше времени, чем к любому другому уроку: необходимо собрать комплект инструментов, сделать полуфабрикаты** и многое другое. Когда-то я преподавал и труд, и физику, и математику, так что у меня есть основания для сравнения. Организация же производственного труда школьников ещё сложнее и требует от педагогов огромных усилий. Конечно, если это настоящий производственный труд. Вспомним производство фотоаппаратов, которое организовал А.С. Макаренко. ФЭД в те годы был продуктом самых высоких технологий, который можно сравнить с оригинальными компьютерными программами, создаваемыми современны-

ми школьниками. Приведу и противоположный пример. В 1984 году во всех школах очередным постановлением ЦК КПСС был введён производительный труд. Мой сын тогда учился в третьем классе. Так вот, для «производительного труда» их класс выводили в лесопарк, где дети... обрывали головки у одуванчиков. О каком же трудовом воспитании тут можно говорить?! Поэтому неудивительно, что многие директора школ, педагоги, а также работники органов управления образованием нередко при первой же возможности с лёгкостью избавляются и от трудового обучения, и от производственного труда учащихся.

Таковы, на мой взгляд, причины сложной судьбы трудового воспитания в школе. **Но если в XX веке проблема трудового воспитания молодёжи стояла остро, то в XXI веке она ещё больше обостряется.** Экономика России возрождается. Сегодня токарь на многих заводах зарабатывает 20–30 тысяч рублей в месяц, высококвалифицированный сварщик — до 60 тысяч. Вполне приличная зарплата. **Но рабочие места... пустуют — никто не хочет идти на «грязную» работу.** Зато стремительно растёт прослойка профессиональных безработных, которую в массе своей составляют «белые воротнички» — люди предпочитают получать нищенское пособие по безработице и бездельничать. Растёт и число люмпенов, маргиналов, бомжей, воров и т.д. **И всё это результат пробелов в трудовом воспитании молодёжи.**

Я далёк от того, чтобы всех агитировать идти в «рабочий класс». Но сегодня как никогда остро стоит проблема воспитания потребности в производительном труде, потому что если ты не трудишься, то паразитируешь на обществе, эксплуатируешь людей, которые работают и тем самым кормят тебя.

Сегодня, к сожалению, далеко не все руководители органов управления образованием и директора школ осознали эту истину: **надо возвращать труд в образовательные учреждения, хотя и нелегко это делать.** Поэтому даже при переходе на профильное обучение директора и учителя предпочитают открывать привычные — **знаниевые** — профили, готовящие ребят в институты:

физико–математический, гуманитарный, экономический, лингвистический и естественно–научный — вот, пожалуй, и весь перечень самых распространённых профилей.

«Трудовые» профили — агробиологический, нефтехимический, пожарного дела и тому подобные — крайне редки. Что делать в такой ситуации? Как побудить школы дать возможность стать успешными не только «яйцеголовым» ученикам, но и тем, кто хочет работать руками? На эту тему высказывается заместитель начальника Департамента образовательной политики Министерства образования и науки РФ

Игорь Реморенко: **Надо шире популяризировать успешный опыт трудовых школ**

В этой актуальной проблеме есть два аспекта, вытекающие из содержания производственного труда. Когда я учился в школе, у нас была возможность выбрать труд по душе. Вместе со мно-

гими одноклассниками я выбрал обучение на водителя автомобиля. Мы уже тогда понимали, как это пригодится нам в жизни, поэтому учились с огромным удовольствием. Занятия проходили не в учебно–производственном комбинате, а в хорошо оборудованном школьном автоклассе. Занимались по субботам, но никто никогда не опаздывал и тем более не пропускал занятий, потому что у всех у нас была цель — получить водительские права. К слову сказать, у меня до сих пор водительские права, полученные в те годы в школе. На занятия ходили даже девочки — не все, но довольно многие.

Программу мы избрали не только по вождению, но и по автослесарному делу. В автоклассе были различные технологические тренажёры, мы ходили на практику в гаражи предприятий. И, повторю, никто не отказался от своего выбора, все успешно закончили курс и получили водительские права. Так что трудовое обучение резонно вести в такой ситуации, которая предполагает некоторые условия:

- заинтересованность ребят, значимость профессии, которой они овладевают;
- хорошая материальная база (овладевать автоделом «теоретически» бесполезно);

- наконец, когда есть некоторая законченность процесса: я это умею, я добился итогового результата.

Но у организации производственного труда есть и обратная сторона медали: **если ребят насильственно «загоняют» на уборку картофеля, свёклы, моркови, никакого проку от такого «труда» не будет.** Во-первых, у многих есть свои домашние огороды. Во-вторых, когда труд — «обязаловка», он бесполезен, а то и вреден.

В этом возрасте нет ещё осознания необходимости, значимости любого труда.

Когда нас в старших классах посылали на уборку овощей с колхозного поля, это было для нас некоей «веселухой», возможностью отвлечься от надоевших уроков. Так что если может школа организовать производственный труд с учётом интересов ребят, — замечательно. И руководители региональных органов управления образованием должны обращать на это внимание. Если же нет такой возможности, лучше не начинать это дело.

Но это общий подход. А что можно сделать с точки зрения управления? **Возможности организовать производственный труд ребят у школ постепенно появляются.** В статье 29 Закона РФ «Об образовании» записано, что субвенции на реализацию основных программ и программ дополнительного образования предоставляются регионами местным бюджетам. Согласно этой статье, в школу должны приходить средства на дополнительное образование — тоже по выбору ребят, с учётом их интересов. **За счёт этого могут быть организованы труд,**